

Шэнь Цзиньбинь выхватил из-за пазухи пистолет и навел дуло на ногу Линь Ло. Почему не в голову? Ответ прост: он не хотел, чтобы Линь Ло умер так легко. Он собирался сначала изуевить его конечности, а потом заживо сжечь.

Пусть корчится в агонии, охваченный первобытным ужасом, пусть надежда угасает вместе с минутами, и в конечном итоге он встретит смерть в полном отчаянии. Столь изощренная казнь была поистине дьявольской.

На другом конце провода Тан Юаньлинь услышал отчетливый хлопок и вздрогнул. Это был выстрел, черт возьми!

Телефон стоял на громкой связи, и Шэнь Жуйчжи, сидевший за рулем, слышал всё не менее ясно. Тан Юаньлинь видел, как на лице Шэнь Жуйчжи, которое, казалось, никогда не выражало эмоций, впервые пролегла глубокая складка.

Шэнь Жуйчжи вдавил педаль газа в пол, и машина на предельной скорости рванулась вперед.

Когда Линь Ло позвонил Тан Юаньлиню, тот находился вместе с Шэнь Жуйчжи. По первым же словам стало ясно, что случилась беда. К счастью, в телефоне была функция геолокации, и, вызвав полицию, они немедленно бросились на помощь.

В заброшенном складе эхом разносился полный боли крик.

— Бин... брат Бин... — подручный был настолько напуган происходящим, что лишился дара речи.

Он собственными глазами видел, как Шэнь Цзиньбинь нажал на курок, целясь в ногу Линь Ло. Но почему после выстрела закричал не Линь Ло, а сам Шэнь Цзиньбинь?

Он посмотрел на Линь Ло — тот стоял невредимый. Затем перевел взгляд на Шэнь Цзиньбиня: из его бедра, зияя кровавой дырой, толчками выплескивалась кровь.

Причина такого странного поворота событий крылась в мастерстве Хуань. Первый опыт использования навыка отражения урона прошел весьма успешно.

Ло Шэн смотрел, как Шэнь Цзиньбинь обхватил ногу и воет от боли, чувствуя лишь иронию. Кто бы мог подумать, что главный герой окажется таким изнеженным — так бояться боли, так позорно скулить.

— Что... что ты сделал с моим пистолетом?! — Шэнь Цзиньбинь зажимал рану, пытаясь остановить кровь. Его лицо исказилось от невыносимой боли.

— Пистолет всё это время был у тебя в руках, — Ло Шэн поднялся на ноги и холодно посмотрел на него. — Что я мог сделать?

— Ты... проклятый! — Шэнь Цзиньбинь, разъяренный, испуганный и изнывающий от боли, швырнул пистолет подручному и взревел: — Пристрели его! Быстро! Он не должен выйти отсюда живым!

Подручный поймал оружие лишь с третьей попытки. Его руки дрожали. После того что здесь только что произошло, как он мог осмелиться направить ствол на Ло Шэна?

Он невольно посмотрел на того — Ло Шэн невозмутимо стоял на месте, не собираясь даже уклоняться, словно ожидая выстрела.

Тут уж подручный окончательно струсил и, не раздумывая, швырнул пистолет обратно Шэнь Цзиньбиню.

Тот побагровел от ярости, выхватил оружие и дважды выстрелил в своего же человека. Рядом с подручным не было таких божественных сущностей, как Хуань, и он рухнул замертво на месте.

Вид этой сцены заставил лицо Ло Шэна стать еще холоднее, а безумное желание Шэнь Цзиньбиня покончить с Линь Ло — лишь сильнее.

Говорят, что убийство вызывает привыкание. Сейчас Шэнь Цзиньбинь прочувствовал это в полной мере. Он поднял пистолет, снова целясь в Ло Шэна, но теперь уже в голову.

Он уже готов был нажать на спуск, как вдруг прогремел еще один выстрел. Рука Шэнь Цзиньбиня дернулась, последовала острая вспышка боли, и пистолет выпал из его пальцев. Шэнь Цзиньбинь обернулся и увидел, что в дверях стоит его дядя, которого он больше всего на свете почитал, и держит в руках оружие.

Позади него стояли Тан Юаньлинь и отряд полиции. Шэнь Жуйчжи выхватил пистолет у одного из офицеров — у него не было терпения слушать все эти переговоры в духе вы окружены, бросьте оружие.

Шэнь Жуйчжи широким шагом прошел мимо корчащегося на полу Шэнь Цзиньбиня, даже не взглянув на него, и остановился прямо перед Ло Шэном. Убедившись, что тот в порядке, он наконец расслабил брови, схватил его за руку и, не обращая внимания на остальных, потащил прочь.

Ло Шэн: ...

Тан Юаньлинь: ...

Шэнь Цзиньбинь: ...

Полицейские: ...А зачем мы вообще сюда приехали?

Разгребать последствия, как всегда, пришлось бедолаге Тан Юаньлиню.

Шэнь Цзиньбиня отправили в тюрьму за покушение на убийство и убийство. Конечно, связи семьи Шэнь были огромны, но на этот раз родители, которые всегда потакали сыну, не стали вмешиваться. Они наконец прозрели: бесконечное баловство лишь толкает их ребенка в бездну порока. К тому же Шэнь Цзиньбинь уже получил свое — потеря ноги и руки стала достаточной платой, чтобы искупить обиду Линь Ло.

Приближался музыкальный фестиваль, и Ло Шэн в последний раз заглянул в бар Дуое.

Там уже были Шэнь Жуйчжи и Тан Юаньлинь.

Чтобы подбодрить Ло Шэна перед завтрашним выступлением, Тан Юаньлинь впервые сам сел за рояль. Он оказался человеком весьма интересным, и музыка его была под стать: игривая, живая, словно танцующие эльфы. Какой еще Кинг? Ло Шэн решил, что титул эльфа фортепиано подходит ему куда больше.

Закончив играть, Тан Юаньлинь с улыбкой повернулся к Шэнь Жуйчжи:

— Не хочешь попробовать?

Ло Шэн с удивлением посмотрел на Шэнь Жуйчжи. Он умеет играть на пианино?

Разумеется, умеет, просто редко кому показывает. Шэнь Жуйчжи, поймав на себе удивленный взгляд Ло Шэна, подошел к инструменту. Тан Юаньлинь лишь понимающе усмехнулся.

Музыка Шэнь Жуйчжи была под стать ему самому — глубокая, мощная, торжественная и величественная, как на королевском приеме. В сравнении с Тан Юаньлинем, Ло Шэн подумал, что титул Кинг гораздо больше идет именно Шэнь Жуйчжи.

Неужели музыка каждого человека так тесно связана с его натурой?

На следующий день музыкальный фестиваль Академии Небесные звуки официально открылся, а вместе с ним начался и конкурс.

Сидя за инструментом, Ло Шэн мягко коснулся клавиш. Он о многом размышлял. Музыка Линь Ло была пропитана надеждой посреди отчаяния, музыка Тан Юаньлиня — легкостью и беззаботностью, музыка Шэнь Жуйчжи — незыблемой мощью. А его собственная?

Ло Шэн вспомнил Сюань Мэй — всегда в алом, как кровь, всегда исполненный гордости и

величия. Затем подумал о себе: вся его жизнь казалась холодной и отстраненной, полная противоположность брату. И внезапно ответ пришел сам собой.

Взгляды присутствующих в зале были прикованы к юноше, которого называли гением. Все ждали, какую невероятную композицию он исполнит на этот раз.

В свете белого прожектора черты лица юноши стали мягче, утратив прежнюю холодность.

Из-под его пальцев на черно-белые клавиши начали падать хрустальные звуки. Капля за каплей, нота за нотой — они звенели, как горный ручей, проникая в самые глубины сердец слушателей. Чистый, холодный, словно цветок на вершине заснеженной горы, к которому можно лишь прикоснуться взглядом, но не руками.

Затем пальцы юноши заплелись в сложном ритме. Темп ускорился, ноты сплелись в единый поток. В музыке, среди привычного тепла, проступила скрытая опасность — словно огненный лотос расцвел в мире, излучая свет, но обжигая тех, кто осмелится подойти слишком близко. Никто не ожидал, что пианино может звучать так же воинственно, как древние цитры в телевизионных драмах.

Когда зазвучала первая часть, глаза Тан Юаньлиня вспыхнули. Линь Ло наконец нашел это. Он нашел свою собственную музыку.

Когда отзвучала последняя нота, зал еще долго не мог прийти в себя. Даже сам Ло Шэн впервые не мог сразу вернуться в реальность после игры.

Должно быть, это успех.

— Ло Ло! Это был грандиозный успех! — радостно закричала Хуань, успевшая прочитать мысли судей. Она была в восторге: Ло Ло играл просто великолепно, лучше, чем когда-либо. Хорошо, что она всё записала.

— Молодой человек, как называется ваше произведение? — раздался голос одного из судей.

Ло Шэн немного подумал и ответил:

— Песнь льда и пламени.

— Песнь льда и пламени! — судьи были в восторге от названия, пожалуй, даже больше, чем от самой игры. — Превосходно! Просто великолепно!

Зрители в зале тоже начали приходить в себя, соглашаясь, что название идеально отражает суть услышанного.

Итог конкурса был предрешен еще тем, как судьи отреагировали на выступление. Ло Шэн добился успеха.

Когда его официально провозгласили принцем фортепиано и перед ним поставили золотой рояль с выгравированным именем, в голове Ло Шэна прозвучал голос Хуань.

— Ло Ло, задание выполнено, пора уходить. Ты готов? — Как только задача завершена, этот мир начинает отторгать чужеродную душу. Ло Шэн этого не чувствовал, так как всё отторжение блокировала Хуань.

— Как уходить? — Линь Ло уже мертв, но никто об этом не знает. Неужели ему нужно умирать в теле Линь Ло еще раз?

Ло Шэн оказался прав — именно так всё и было.

Стоило ему сказать, что он готов, как огромная люстра под потолком с грохотом сорвалась и упала прямо ему на голову.

Ло Шэн: ...

Могли бы предупредить. Такой способ смерти — это довольно обидно.

Больно не было, так как душа Ло Шэна покинула тело мгновенно. Паря над бренными останками Линь Ло, он видел паникующего ведущего, видел бегущего к сцене Тан Юаньлиня, видел хаос в зале, видел Шэнь Жуйчжи...

Шэнь Жуйчжи стоял неподвижно, с каменным лицом, словно смерть Линь Ло не вызвала в нем ни единой эмоции. Ло Шэн был удивлен, даже озадачен. Почему? Ведь все знаки внимания Шэнь Жуйчжи до этого момента говорили о том, что он искренне заботился о нем. Но сейчас...

В этот момент, словно почувствовав взгляд Ло Шэна, Шэнь Жуйчжи поднял голову. В тот миг у Ло Шэна промелькнула мысль, что тот его видит.

В следующее мгновение действие Шэнь Жуйчжи заставило его вздрогнуть, но прежде чем он успел что-то предпринять, мир вокруг завертелся, и Ло Шэн исчез.

Последним, что сделал Шэнь Жуйчжи, было то, что он открыл рот и произнес всего одно слово, глядя прямо на Ло Шэна:

— Ло...

Задание выполнено, Ло Шэн и Хуань вернулись в Землю Пустоты.

Воспоминания о моменте ухода всё еще стояли перед глазами. Он слышал это слово, сказанное Шэнь Жуйчжи. Ло... Он звал Линь Ло? Почему-то Ло Шэна не покидало странное ощущение, что это было его собственное имя.

Как он мог его видеть? Ло Шэн нахмурился, погрузившись в раздумья. Он хотел спросить Хуань... но покачал головой. Забудь. В этом мире бывают люди с особыми способностями, возможно, у Шэнь Жуйчжи просто специфическая конституция.

— Ло Ло, Ло Ло! Вклад Линь Ло поступил, ты готов? В этот раз даже есть дополнительная награда! — Хуань, не заметив странностей в поведении Ло Шэна, приняла свой истинный облик — большое зеркало, которое комично извивалось в воздухе.

— Мгм. — Ло Шэн был спокоен. Неужели восстановление тела — это действительно правда?

Что ж, похоже, правда.

Из Зеркала Перерождения потек поток энергии, похожий на скопление белых искр. Ведомый зеркалом, этот сгусток света медленно просочился в прозрачное тело Ло Шэна.

Затем, на глазах у изумленного Ло Шэна, поток начал метаться внутри, словно выбирая место. Наконец, он собрался в области левой руки, запульсировал, слился воедино, и после яркой вспышки перед глазами Ло Шэна появилась вполне материальная рука.

В отличие от остального тела, левая рука Ло Шэна была белой, как нефрит, тонкой и изящной. Он поднял ее, повертел, попробовал сжать кулак. Ощущение физического контакта вызвало у него легкое волнение. Значит, это всё-таки реально.

— Ло Ло, прошлый мир был лишь небольшим пространством, поэтому и вклад невелик, — объяснила Хуань. — Но, Ло Ло, есть же бонус!

— Какая награда?

— Талант Линь Ло из прошлого мира, мастерство игры на фортепиано! — Хуань радостно запрыгала. — И сразу максимальный уровень!

— Понятно. — Оказывается, бывает и такое. Ло Шэн остался равнодушен, не придавая этому особого значения. Он посмотрел на Хуань: — Следующий кандидат, начинай.

— А? Так срочно? — Хуань была удивлена. Раньше Ло Шэн долго выбирал мир, прежде чем согласиться.

— Да. — Узнав, что после выполнения заданий действительно можно восстановить тело, Ло Шэн уже всё для себя решил. Чем быстрее он закончит, тем быстрее обретет плоть и сможет уйти.

— Ну, ладно.

Хуань послушно подчинилась. Зеркало Перерождения ярко вспыхнуло, затягивая Ло Шэна внутрь. Снова головокружение, и когда Ло Шэн открыл глаза, то обнаружил, что находится в пещере.

Сквозь щели выл ледяной ветер. Холод пробирал до костей. Кроме того, Ло Шэн чувствовал, что всё его тело словно рассыпается на части: любое движение отдавалось такой болью, будто его пронзали тысячи игл. Взглянув вниз, он увидел, что его одежда превратилась в лохмотья, на которых запеклись огромные пятна крови.

— Ло Ло, в этот раз ситуация гораздо серьезнее, потерпи немного, я сейчас тебя подлечу.

Хуань извлекла из своего пространства бочонок с зеленоватой водой и велела Ло Шэну погрузиться в него. Эта шипящая жидкость была ничем иным, как эликсиром для восстановления тела из высших миров. У Хуань, конечно, была и духовная вода, но нынешнее смертное тело Ло Шэна ее бы не выдержало, так что восстанавливающий эликсир подходил лучше всего.

Пока Хуань загружала сюжет для Ло Шэна, на него обрушились воспоминания прежнего владельца тела. Ло Шэну пришлось принять их.

Прежнего хозяина звали Лян Нань. Он был сыном министра ритуалов Лян Юйхуна из Династии Синань. Статус звучит внушительно, но на деле жизнь юноши была полна страданий. Мальчика с детства воспитывали как девочку — разве это не пытка?

У него была сестра-близнец по имени Лян Нань — имя звучало так же, но писалось другими иероглифами. В пять лет она пропала. Потеря ребенка — горе, но беда была в том, что император издал указ: выдать Лян Нань замуж за восьмилетнего наследного принца.

Для семьи Лян это была величайшая милость. Они не могли от нее отказаться, надеясь, что однажды найдут дочь, и потому не доложили императору о пропаже.

По иронии судьбы, в семье Лян была двойня. Они объявили, что пропал старший сын Лян Нань, а не младшая дочь. С тех пор Лян Нань жил как Лян Нань, воспитываясь как девочка.

Шли годы, дочь так и не находилась. Когда пришло время совершеннолетия, истинная Лян Нань сама вернулась домой. Правда, теперь она звалась Юнь Жо — имя ей дал мастер, воспитавший ее.

Семья Лян была вне себя от радости, даже Лян Нань обрадовался — наконец-то он сможет снова стать мужчиной. Но кто бы мог подумать, что Лян Нань, то есть Юнь Жо, наотрез откажется выходить замуж за принца, которого никогда не видела и к которому не питала чувств.

Даже мольбы семьи не смягчили ее сердца, и в ту же ночь она покинула дом.

Семья Лян сполна вкусила плоды собственной лжи. Но назад пути не было, прошло десять лет, и признаваться императору в обмане было уже поздно.

Свадьба была на носу. Неповиновение — преступление, обман императора — тоже. Семья Лян, скрепя сердце, решила отправить Лян Наня, наказав ему лишь одно: не позволять принцу прикоснуться к нему, сделать всё, чтобы тот возненавидел его и держался подальше.

После свадьбы Лян Нань исполнил наказ семьи.

Принц ненавидел этот навязанный императором брак, а еще больше — трусливого и бесхребетного Лян Наня. О супружеском долге не было и речи, они даже виделись крайне редко. Поэтому принц так и не обнаружил, что его жена — мужчина.

Принц был ветреным и жестоким, у него было множество наложниц. В поместье все знали, что принцесса не в фаворе, и каждый пытался унижить его. Наложницы издевались над ним особенно жестоко.

Опасаясь разоблачения, Лян Нань никогда не смел спорить, не смел говорить громко, всегда прятал взгляд. Его обижали не только наложницы, но и обычные слуги.

А принц, презиравший его за трусость, никогда не заступался.

Так продолжалось три года. Однажды, навещая семью, Лян Нань встретил Лян Нань. Она уже не была той уверенной в себе девушкой, что раньше — ее лицо было обезображено, говорят, тем самым человеком, которого она любила.

Лян Нань сказала семье, что хочет вернуть свою личность. Семья, конечно, была только за — они были похожи как две капли воды. И хотя лицо Лян Нань было изуродовано, это было мелочью по сравнению с проблемой пола Лян Наня.

Лян Нань был счастлив — он наконец-то избавится от этого кошмара. Однако у Лян Нань было условие: она хотела одолжить лицо Лян Наня.

Звучало мистически, но на деле ей нужны были лишь участки кожи с лица брата. Учитель Лян Нань был легендарным Божественным лекарем, скрывавшимся в горах, и она переняла его мастерство.

Лян Нань колебался недолго. Что с того, что лицо будет испорчено? Даже если придется отдать полжизни, лишь бы сбежать из этого ада, он готов.

Мастерство Лян Нань оказалось поистине божественным. Взяв кусочки кожи, она исцелила собственное лицо, не оставив ни единого шрама.

Лян Нань вернулась в поместье принца, а Лян Нань наконец обрел мужской облик. Он жил затворником, а родители, чувствуя вину, старались окружить его заботой. Лян Нань впервые за долгое время почувствовал себя счастливым.

Но счастье длилось недолго. Через полгода Лян Нань снова пришла к нему и странным тоном пригласила в поездку.

Лян Нань, не подозревая подвоха, поехал с ней. Но когда они достигли цели, Лян Нань без тени раскаяния произнесла жестокие слова.

Она сказала, что он был лишь ее заменой, что семье нужна только она одна, а его существование — угроза. Если правда всплывет, семье Лян конец. Он не должен разрушить ее жизнь и жизнь семьи.

Поэтому он должен умереть.

Едва Лян Нань успел осознать услышанное, как родная сестра столкнула его с обрыва.

А в пещере тело оказалось потому, что после падения Лян Нань не умер сразу.

Он хотел жить. С переломанными ребрами, с поврежденными внутренними органами, он, волоча свое разбитое тело, прополз десятки метров на одной уцелевшей руке, чтобы найти эту пещеру. Его жажда жизни была невероятно сильна.

<http://bllate.org/book/22140/2306724>